

Петр ШОРНИКОВ

ОТ КОНФЕДЕРАЦИИ – К АВТНОМИИ В СОСТАВЕ РОССИИ.

Прутский поход русской армии и эволюция молдавского этногосударственного проекта

В начале XVIII в. Россия была вынуждена бороться за выход к Балтийскому морю и свободу торговли с Западной Европой. Задачей являлись отвоевание Ижорской земли, захваченной шведами в годы Смуты, и отмена принципа морской блокады русского побережья у Ивангорода, закрепленного условиями Тявзинского мирного договора 1695 г. 27 июня 1709 г., разгромив под Полтавой шведскую армию Карла XII, лучшую в Европе, русские добились перелома в Северной войне. Но английская дипломатия попыталась изменить ход событий, связав русских войной с турками. В ноябре 1710 г. при ее «содействии» Османская империя объявила России войну. Господарем Молдавии тогда же, в ноябре 1710 г., султан Ахмед III назначил Дмитрия Кантемира.

По вопросу о том, как жить: под крылом российского орла или под пятой мусульман – молдаване определились задолго до Кантемира. Вскоре после захвата Константинополя турками (1453 г.), за полвека до знаменитых писем псковского старца Филофея царю Василию III (1510–1511 гг.), молдавский господарь Стефан III Великий решил, что Третий Рим – это Москва. В 1462 г. он женился на киевской княжне Евдокии Олельковне из рода Рюриковичей, а в 1482 г. выдал дочь Елену за царевича Ивана. Ивану III Большому он принес вассальную присягу. Великим князем Московским и господарем Молдавии должен был стать Дмитрий, внук Ивана III и Стефана III. Превратности истории помешали осуществлению этого проекта. Но после установления османского владычества над Молдавией (1538 г.) едва ли не каждый господарь посылал тайных гонцов в Москву. Известие о присоединении Малороссии к Руси Московской, принятом в январе 1654 г. Переяславской радой, вызвало в Молдавии ликование. Господарь Георгий Стефан направил в Москву гонца Григория, а в 1655 г. – посольство во главе с митрополитом Гедеоном и великим логофетом Георгием Нянюлом с просьбой принять Молдавию под высокую руку царя Московского. В 1656 г. Алексей Михайлович подписал указ о присоединении Молдавии к Руси; указ был зачитан в московских церквях, члены посольства принесли присягу. Но в условиях

войны с Речью Посполитой и Швецией Москва не могла позволить себе войну также с Османской империей. Объединить два государства не удалось и на этот раз.

Час объединения, казалось, пробил в 1711 г. Дмитрий был человек исключительных дарований, ученый–энциклопедист и искусный политик. Как заложник и представитель своего брата Антиоха, господара Молдавии в 1695-1700 и 1705-1707 гг., он прожил в Константинополе 23 года. Но воспринятая в юности московская ориентация молдавского народа, подкрепленная общением с православными греками, возобладали в его сознании. Дмитрий написал роман «Иероглифическая история», проникнутый ненавистью к османам, установил связи с патриархом Иерусалимским Досифеем и русским послом в Константинополе П.А. Толстым, тайно поступив на русскую службу. Его назначению господаром Молдавии способствовали влиятельные при султанском дворе греки и даже друга детства – крымский хан. Султан Ахмед также полагал, что Кантемир наилучшим образом обеспечит использование ресурсов Молдавии в войне против России.

Молдавии предстояло стать ареной военных действий. Кантемир спешил подготовить княжество к войне против турок. Не пройдя обычную в таких случаях церемонию посвящения в господари, он покинул Константинополь. 10 декабря новый господарь прибыл в Яссы и немедленно послал своего доверенного человека капитана Прокопия к Петру I. В январе 1711 г. в Яссы конспиративно прибыли царские эмиссары Савва Рагузинский и Георгий Поликала, знакомые Дмитрию по жизни в Константинополе, разделявшие идею освобождения православных народов от турецкого ига при посредстве России. Они обсудили условия заключения тайного союза господаря с Петром I и, следует полагать, основные положения русско-молдавского союзного договора, который предстояло заключить.

Предварительные договоренности Кантемир начал выполнять незамедлительно. По его поручению молдавский поверенный в делах в османской столице грек Янио Критянин добился улучшения условий содержания Петра Толстого, с началом войны заключенного турками в Семибашенный замок, и обеспечил секретную переписку посла с русским правительством². Политически еще более важной стала операция по спасению Константина Брынковяну, правителя Валахии, который также пообещал Петру I поддержать русских в войне против османов и договорился о включении своего княжества в состав России. Туркам было известно о традиционной вражде господарских семей Молдавии и Валахии. К. Брынковяну десятилетиями интриговал при султанском дворе против Кантемиров и даже пытался устроить убийство Дмитрия. При назначении господаром Дмитрию было по-

ручено следить за поведением валашского правителя, которого султан был намерен в скором времени низложить. Пообещав туркам содействие, Кантемир предпочел действовать в общих интересах Молдавии и России. Он предложил османам предварительно получить от Брынковяну 500 кошелей золота на снаряжение турецкого войска. Господарь Валахии, вероятно, по подсказке русских, согласился выплачивать по 100 кошелей в месяц. Турки согласились. Тем самым воевода Дмитрий предотвратил смещение и казнь своего смертного врага, волей Петра ставшего союзником России и Молдавии³.

В начале апреля 1711 г. к Петру I, находившемуся с войском в Луцке, прибыл вистерник (хранитель казны) Молдавского княжества боярин Штефан Лука. 3 (13) апреля царь подписал и вручил молдавскому боярину документ из 17 пунктов, озаглавленный «Диплом и пункты», вошедший в историю как Луцкий договор. «Диплом», содержание которого, несомненно, было скоординировано в январе в дискуссиях Кантемира с Саввой Рагузинским и Георгием Поликалой, выражал взгляды Петра и Кантемира на форму присоединения Молдавии к России. Договор предусматривал освобождение княжества от османского владычества и его переход под протекторат России. Петр гарантировал княжеству возвращение Буджака и территорий, прилегающих к Хотинской, Бендерской и Белгородской (Аккерманской) крепостям, находившимся под прямым управлением турок и татар. Особыми пунктами была гарантирована самостоятельность Молдавии во внутренних делах, права молдавских бояр. Господарский престол закреплялся за родом Кантемиров⁴. Правитель Страны Молдавии, с удовлетворением отметил летописец Иоанн Некулче, был признан ее самодержцем и другом Страны Московской, а не покорным рабом⁵. Между Россией и Молдавией Петр I предлагал установить конфедеративные отношения. Господарю надлежало объявить туркам войну.

Общая приверженность молдаван своему этнополитическому проекту обеспечила политическое единство всех социальных слоев. На стороне России оказалось и большинство бояр. О действиях Кантемира и турок русского царя информировали первые лица молдавской церкви и молдавского войска – митрополит Геден и гетман Антиох Жора. Члены Дивана (Боярского Совета) великий логофет Николай Костин, ворник Иоанн Стурза, вел–вистерник Илие Катаржиу и другие на случай, если Кантемир поддержит турок, сговорились покинуть его и перейти на сторону русских. Жора мог совершить переворот и схватить Кантемира, которого, как и все молдаване, считал турецким ставленником, а бояре-заговорщики – просто убить его. Кантемир почувствовал отчуждение знати. Назначив гетманом своего друга и советника Иоанна Некулче, он обезвредил первый заговор.

21 мая господарь созвал бояр и, сообщает тот же И. Некулче, «поведал им о том, что призвал он москалей, которые прибыли и переходят Прут у Загаранчи. Тогда бояре, услышав об этом, возрадовались все и с ликованием ответили господарю: "Правильно поступил ты, государь, ибо опасались мы, что уйдешь ты к туркам, и так помышляли мы, что, ежели увидим, что переходишь ты к туркам, то покинем тебя и пойдем поклонимся москалям"»⁶. Саморазоблачение заговорщиков не имело практических следствий, поскольку почти все члены Дивана поддержали решение господаря. Промолчал только ворник Костаке Лупул; позднее он сообщил о случившемся турецкому паше – коменданту крепости Силистрия на Дунае⁷. К народу Кантемир обратился с манифестом, в котором перечислил бедствия, которые терпела Молдавия от порабитителей, и призвал: «Все люди нашей страны, берите оружие и идите на помощь»⁸.

О том, насколько глубоко проник интеграционный проект Стефана Великого в сознание молдаван, свидетельствует поведение народа. Никогда не видел русских, они встретили русское войско без страха и с радостью. При известии о вступлении русских в Молдавию в Яссах и по всей стране против турок выступили горожане и крестьяне. Когда полки под командой фельдмаршала Б.П. Шереметева прибыли в Оргеев, вспоминал И. Некулче, «поднялись все оргееане, сорочане и лапушняне и пошли с ним, пока не перешел Прут[...], а служиторы остались все у Думитрашко-воеводы в войске». Когда Кантемир, объявив туркам войну, призвал бояр и служиторов к оружию, на его призыв, по словам Некулче, откликнулись и бояре, и мазылы (свободные крестьяне), а служиторы возвращались даже из-за границы; «очень немногие не пришли». Записывались в войско сапожники, портные, корчмари, слуги боярские, покидая бояр, спешили под стяги. В 15 дней собралось 10–тысячное войско, правда, больше было безоружных, чем вооруженных. По другим данным, явились 30 тыс. добровольцев, но вооружить их оказалось нечем⁹.

Кантемир верно оценил позицию народа, и уже при встрече с Петром повел себя не как союзник, а как подданный. Дабы не беспокоить царя, он отказался войти в господарский дворец. Петр в этот момент принимал ванну, но, извещенный о прибытии воеводы Дмитрия, немедленно оделся и спустился по лестнице. При этой первой их встрече господарь неожиданно для Петра по восточному обычаю поцеловал ему руку. Царь не собирался аннексировать Молдавию, в Кантемире он видел владетеля союзного государства. Он обнял господаря, поднял и расцеловал его. Но на следующий день, когда полковники и ротмистры молдавского войска, поставленные в строй у церкви Трех Святителей, также целовали ему руку, Петр понял, что молдаване видят в нем своего властителя, и принял присягу верности.

В иной, по сути скандальной, форме свое несогласие с уровнем интеграции Молдавии с Россией, предусмотренным Луцким договором, высказала боярская оппозиция. В присутствии министра Г.И. Головкина и царского советника Саввы Рагузинского бояре во главе с ворником Иордаке Руссетом выступили против передачи господарского престола по наследству, предусмотренной пунктом 3 договора. Отказываясь от пункта о конфедеративных отношениях Молдавии с Россией, бояре потребовали назначения господарей российским самодержцем по совету с ними¹⁰, т. е. включения Молдавии в состав России на правах автономии.

Шла война, и любое несогласие надлежало пресекать. Но оппозиционеры протестовали не против союза Молдавии с Россией, они лишь признали недостаточно тесной предусмотренную Луцким договором степень интеграции двух государств. Петр I, недостатком решительности не страдавший, колебался. Подтверждая признание суверенитета Молдавии, на пиру царь отказался занять почетное место во главе стола и усадил в это кресло Кантемира, оказывал знаки внимания молдавским боярам. Наутро он один, без охраны, через черный ход покинул господарский дворец, погулял по городу и пришел в церковь Трех Святителей. Там монарх вновь отказался от предложенного ему митрополитом Гедеоном господарского кресла и отстоял службу вместе с прихожанами. Уважительно поговорив с предстоятелем Молдавской церкви, отведал холодной воды с вареньем, по молдавскому обычаю предложенной ему монахами. Настроения молдаван и ход мобилизации показывали, что народ уже считает себя принятым в российское подданство и рад этому. Однако пересмотр условий Луцкого договора в разгар войны мог внести в молдавское общество раскол. Только через неделю по настоянию Кантемира царь все же распорядился взять И. Руссета под стражу, но сохранил боярину жизнь¹¹.

В войне против Порты предполагалось участие 20 тыс. сербских повстанцев. Константин Брынковяну, правитель Валахии, обязался выставить против османов 30–тысячное войско, столько же воинов обещали прислать Петру польские союзники России. Но русское командование недооценило мощи и мобильности османов. Константин Брынковяну, уstraшенный численностью турецких войск, переправлявшихся через Дунай, не посмел дать им бой; сорвал он и проход на помощь русским и молдаванам 18 тыс. сербских добровольцев. Не достигло пределов Молдавии и 12–тысячное польское войско, направленное в помощь Петру королем Августом II Сильным. 9 июля 1711 г. западнее Прута, у села Станилешты, 38 тыс. русских и 7 тыс. молдаван были окружены 190–тысячным войском турок и татар.

Это был момент истины, во многом определивший дальнейшее отношение молдаван к России. Русские дрались умело и отважно, рус-

ская артиллерия, вспоминал И. Некулче, будто метлой сметала лавы атакующих янычар. Вместе с русскими татарскую конницу три часа сдерживало молдавское войско во главе с Кантемиром. В бою проявилась перемена в духе молдаван. «Хотя были они войском сборным, неухоженным, без оружия и необученным войне, – вспоминал гетман, – среди них нашлись храбрецы, которые, выезжая из рядов, вызывали турок на поединок. Молдаване отбивались от татар, сколько могли, но, когда в бой вступили янычары, бросились под защиту русских пушкарей, которые обратили их отступление в успех»¹². Потеряв 8000 убитыми, янычары отказались продолжать бой. От визиря они требовали выполнить приказ султана о заключении мира, а к русским посылали парламентаров, призывая договориться с визирем и прекратить кровопролитие. 13 июня русские войска взяли на Дунае турецкую крепость Браила¹³. Но соотношение сил оставалось чрезвычайно опасным для русских и молдаван. После трех дней боя Петр заключил мир.

Свой переход в подданство России молдаване осознали как обретение права на участие в ее делах. Первым проявлением этого сознания, собственно, и стало выступление боярской оппозиции во главе с И. Руссетом. При Станилештах сам Д. Кантемир пытался давать победителю шведов советы, как воевать с турками, а затем, не страшась царского гнева, возражал против намерения Петра заключить мир. Несколько дней спустя, когда мирный договор все же был подписан, и фельдмаршал Б.П. Шереметев запретил молдаванам нападать на татар, угонявших полон, молдавские воины, во время боев неукоснительно выполнявшие приказы русских командиров, повели себя подобно казачьей вольнице. Они высказали военачальнику свое возмущение и поступили по собственному разумению¹⁴. Могли ли молдаване позволить себе оспаривать повеления турецкого султана? Свыше 4 тыс. молдаван вместе с Д. Кантемиром переселились в Россию.

Участие совместно с русскими в антитурецкой войне возвысило молдаван в собственных глазах. Прибыв после подписания мира в Яссы, турецкий командующий Мехмет Балтаджи-паша пять дней ожидал, когда придет к нему с поклоном кто-нибудь из бояр. Не явился никто. И. Некулче объяснил такое поведение знати страхом расправы. Но не пришли на поклон даже молдаване, сохранившие с турками политические связи. Костаке Лупул был доставлен к паше едва ли не под конвоем. Но и он повел себя с неожиданным достоинством. На высказанные турками в адрес молдаван обвинения в «измене» ворник ответил, что виной случившемуся – не молдавские бояре и не народ, а сами турки, которые назначают правителей, не считаясь с волей бояр. Визирь не нашел достойного ответа. В тот момент выбора у турок не имелось, и К. Лупул был назначен каймакамом – заместником госпо-

даря¹⁵. Но на протяжении следующих 110 лет ни один молдаванин не был утвержден правителем Молдавского княжества.

Поскольку Прутский поход молдаване обоснованно расценили как попытку освобождения Молдавии от ига османов, на Петра I не пало обвинений за последующие грабежи и насилия турок и татар. Выступление, предпринятое ими под водительством Петра и воеводы Дмитрия, было делом всего народа, и молдаване стоически приняли невзгоды, вызванные его неудачей. Главным моральным итогом Прутского похода оказалось для них обретение новой духовной опоры и исторической перспективы, новая и высокая самооценка. Ощущение нравственной победы вошло в сознание народа и обусловило оптимистическую трактовку событий 1711 г. новыми поколениями молдаван.

Петр, военный герой, абсолютный монарх и благородный союзник, стал у молдаван идеальным воплощением покровителя. Вдохновляющие воспоминания об освободительной войне под его водительством получили благоприятное отражение в трудах молдавских летописцев и молдавской классической литературе. Николай Костин именовал Петра I императором за десять лет до принятия им этого титула. Летописцы подчеркивали его простоту в общении и расположение к молдаванам. Едва ли не каждый шаг царя в Яссах был ими зафиксирован и истолкован благоприятным для него образом. На покровителя молдаван не могло пасть тени. Осудив Петра за излишнее доверие к союзникам и посетовав на малочисленность русских войск, И. Некулче по существу снял с царя вину за неудачный исход антиосманской войны. Молдаване впервые увидели войско, успешно сражающееся с турками, они осознали свою причастность к этой силе, и главное внимание летописцы уделили описанию доблести русских воинов¹⁶.

Оценили молдаване и нравственное превосходство русских. Во время сражения при Станилештах особое впечатление произвело на них упорство русских солдат, защищавших от татарской конницы обоз с ранеными и заболевшими. Константин Негруци воспел благородство и мужество царя, который, несмотря на отчаянное положение армии, в ответ на требование выдать Дмитрия Кантемира заявил: «Я лучше уступлю туркам все земли до Курска, ибо остается надежда их отвоевать, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием». Александру Хыждэу именовал русского царя «наш друг» и подчеркнул мессианскую роль России в освобождении православных народов от мусульманских поработителей, а Алеку Руссо назвал Петра «москальским светочем», ясным солнцем молдавской истории, поставил его рядом со Стефаном Великим и разделил прошлое молдаван на две эпохи – допетровскую и послепетровскую. При том, что вторая оставалась эпохой «крови и слез, даней и позора», только в ней усмотрел он огонек национального освобождения¹⁷.

Величайшим из людей, когда-либо ступавших на землю Молдавии, провозглашал Петра Михаил Когэлничану. «Настает начало восемнадцатого века, – отметил он в своем знаменитом Вступительном слове к курсу национальной истории в Михайлянской академии (1843 г.), – и Молдавия видит самую величественную из всех фигуру, Петра Великого»¹⁸. И даже Михаил Эминеску, к России настроенный критически, в русском царе видел «человека, в котором необычайные страсти создают энергичное единство [...], историческую личность, чувствующую свое бессмертное предназначение в мире, великана, преобразующего степную бесконечность в великую империю, в европейскую силу, стоящую по ту сторону коварного и ревнивого человека»¹⁹. «Молдо–Влахия, измученная войнами в XVIII веке, укрылась под щитом Великого Петра, российского императора», – подвел нравственный итог молдавской политике России другой, уже бессарабский классик молдавской литературы Константин Стамати²⁰. Образ Петра стал для молдавского народа символом грядущего освобождения. «Нет ни одного молдо-румына, – отмечал в середине XIX в. Георге Асаки, – который не слышал бы от стариков бесчисленных рассказов о величии и могуществе России, коим и в наши дни дала она тысячи доказательств; следует также знать, что основателем этой империи, одной из самых обширных в мире, был славный Петр, по праву называемый Великим»²¹.

Подготовленная идеологией православного единения встреча молдаван с русскими получилась братской. Она укрепила в молдавском народе веру в дружбу и силу России, позволила молдаванам впервые со времен Стефана Великого ощутить себя участниками антиосманского фронта христианских стран, возродила в них исторический оптимизм, обусловила радикализацию молдавской программы национального освобождения и растущую ее поддержку массами молдаван.

В 1739 г. условия Луцкого договора с «поправкой» Иордаке Руссета и других бояр-«автономистов» 1711 г. молдавские бояре и высшее духовенство включили в «Договор между статами духовными и светскими Молдавского княжества и фельдмаршалом графом Минихом. – О вступлении оногo княжества в подданство под Российскую державу на условиях, утвержденных графом Минихом». Этот документ предусматривал более высокую степень интеграции Молдавии с Россией, чем Луцкий договор. Подобные пожелания высказывали молдавские и валашские бояре и во время войны 1768-1774 гг. В начале XIX ст. они добивались присоединения Молдавии к России, не упоминая о самоуправлении княжества²². Но уже оценка молдавским народом условий Луцкого договора в 1711 г. показала, что в единении с Россией молдаване видят не только избавление от турецкого ига, но и форму окончательного устройства своей национальной судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1969. П. 234.

2. *Iorga N.* Basarabia noastră; *Arbure Z.* Liberarea Basarabiei; *Boga L.* Lupta pentru limba romanească și ideea unirii. Chișinău, 1993. P. 120.

3. *Гражуль В.С.* Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. М.: Гейтерум, 1997. С.23-27; *Некулче И.* Оп. чит. П. 237, 238; Подробнее см.: *Шорников П.* Участие Дмитрия Кантемира в тайной войне против Османской империи // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2008. № 1-2 (11-12). С. 39-41.

4. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Авторы и составители: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Документы и материалы. М., 1996. С. 91-95.

5. *Некулче И.* Оп. чит. П. 246.

6. Ibid.

7. Историческое значение присоединения Бессарабии и Левобережного Поднепровья к России. Кишинев: Штиинца, 1987. С. 36.

8. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. С. 354.

9. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 117,118.

10. Там же.

11. *Costin N. Scrieri.* In două volume. Vol. I. Chișinău. 1990. P. 384, 385; *Яцимирский А.И.* Румынские рассказы и легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. № 5-6. С. 551.

12. *Некулче И.* Оп. чит., П.261.

13. Ibid. П. 257-268; *Гражуль В.С.* Указ. соч., С.33.

14. *Некулче И.* Оп. чит. П. 251, 265, 271, 258, 259, 261.

15. Ibid. П. 376.

16. Ibid. П. 257-270.

17. *Руссо А.* Опере. Кишинэу, 1967. П. 133, 134, 135; Бессарабия на перекрестке ввропейской дипломатии. Авторы и составители: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Документы и материалы. М., 1996. С. 54-59; *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 368, 369.

18. *Когэлличану М.* Опере алесе. Кишинэу, 1966. П. 254.

19. Цит. по: *Попович К.* Еминеску. Вяца ши опера. Кишинэу: Штиинца, 1974. П. 310.

20. *Стамати К.* Опере алесе. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1953. П. 259, 260.

21. *Асаки Г.* Исторические новеллы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. С.105

22. Подробнее см.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2007. С. 130-148.